

**МЕРА ВСЕХ
НАУК**

**Кутырев
Владимир**

Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Постоянный автор журнала. E-mail: kut.va@mail.ru

¹ Основное назначение высоких социогуманитарных технологий заключается в воздействии на сознание индивидов или групп с целью изменения их поведения и взаимоотношений. Технологии Hi-Hume — результат конвергенции социальных и информационных технологий, а также новейших достижений в области психологии, нейрофизиологии, этологии и других наук.

ОТДАДИМ ТРУД МАШИНАМ... ЧТО БУДЕТ С ЧЕЛОВЕКОМ?

© 2017

В.А. Кутырев

В последние годы в научно-предпринимательских кругах заговорили о необходимости перехода нашей цивилизации к шестому технологическому укладу. И о наступлении четвертой промышленной революции, которая должна прийти на смену нынешней “просто” информационной революции, считающейся третьей по счету после аграрной и индустриальной. Суть этого обещания прогресса в том, что все производство будет автоматизировано, компьютеризировано и хозяйственная деятельность станет осуществляться без затрат живого человеческого труда. Новейшие достижения четвертой промышленной революции предполагают “распространение таких технологий, моделей ведения бизнеса и форм поведения, которые растворяют рыночные силы, искореняют необходимость в труде и способствуют продвижению мировой экономики к изобилию” [6, с. 332].

Если посмотреть на подобные обещания прогресса более внимательно, окажется, что автоматизированная хозяйственная жизнь будет осуществляться не просто без труда, она будет про(ис)ходить без присутствия в ней людей. Все будет идти “само собой”, вплоть до управления и постановки целей деятельности. С учетом достижений в разработке высоких социогуманитарных технологий, по-видимому, не только хозяйственная деятель-

ность. И социальная. А если иметь в виду достижения технологий Hi-Hume¹, читать прогнозы о чуть более отдаленных перспективах их применения, — то и духовная, интеллектуальная. Вообще — жизнь. Вот-вот эти делающие ненужным труд со всеми вытекающими отсюда последствиями проекты переднего края технонауки превратятся в массовые действия и, набирая силу, по миру покатаются (уже покатались) вал вдохновенных возгласов о том, что “изобилие без труда” есть высшее благо, и сопровождающих их настойчивых призывов инновационироваться ради открывающегося будущего как можно скорее.

Здесь в самый раз стоит напомнить: более убедительной теории, что труд создал человека, который, сколько существует, всегда в разных формах трудился, — нет. Трудом, если не брать акт сверхъестественного творения и разные поверхностно-экзотические гипотезы, типа “обезьяны наелись галлюциногенных грибов”, объясняется телесность и сознание Homo sapiens, весь его образ жизни и культура. Способность к труду отделила и отличает нас от любых других живых существ. Труд же не в одиночку, а совместный, не голой рукой, а с орудиями есть производство, характер которого определяет состояние общества. Типом труда-производства, его укладами формируются исторические этапы развития обще-

ства, от распределения и уровня производительности труда зависит то или иное положение людей, их возможности. И вот — жизнь без труда...

Фундаментальный, может быть, роковой поворот в истории, затрагивающий саму природу вида *Homo Genus* (родового человека)! Однако проводились ли какие-то исследования, кто слышал обсуждения и яростные споры на конференциях — как существовать (или не существовать) ему в такой роли и таком качестве? Как личности, как экзистенциальному, телесно-духовному существу. Кроме мелких примитивно экономических опасений в связи с “возможной нехваткой рабочих мест”, о смысле и бессмысленности саморазвития экономики и производства, о самом главном, о судьбе человечества — никаких забот. Только предвкушения новых достижений в развитии техники. Как иронически предсказывал С. Лец, “техника так совершенствуется, что скоро человек сможет обойтись без самого себя”. Все признаки, что дело идет в данном направлении, которое приведет его к вырождению, и следовательно, надвигающимся на нас стихийным пост(транс)человеческим технологическим процессом надо бы пытаться управлять.

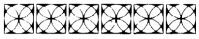
Люди много мечтали об избавлении от изнуряющего труда и облегчении своей жизни. Сочиняли сказки о том, как бы все делалось “по щучьему велению”, о сапогах-сорокоходах, скатертях-самобранках, создавали философско-теоретические утопии, когда труд сведется “к нажиманию кнопок”, и т.п. Теперь эти мечты обретают научно-техническую основу, приближаясь к воплощению в реальность. На переднем крае науки разрабатываются вполне практические проекты, по которым скоро все будут делать (как вариант), “экзо-флорные наноботы вокруг, снаружи и даже внутри нас”. Дело дошло до достижений по избавлению людей не только от физического

труда, но и от умственной деятельности. Замены естественного человеческого интеллекта искусственным, компьютерным. В конце концов, именно замены, а не дополнения. Уже сейчас, освещая содержание недавней Всероссийской научной конференции по нейробиологии, журналист, выражая общее настроение ее участников, пишет, например, о планах на ближайшую перспективу: ученые создают Интеллект, который будет сильнее человеческого. Он облегчит наше мышление. Пусть думает компьютер — он железный (!). Другими словами, ученые работают над тем, чтобы создать Мозг, превышающий человеческий, как они надеются, в тысячи-миллионы раз. А самим на этом фоне остаться безмозглыми? Да, а как иначе, если будет подобное соотношение. *Додумались до того, чтобы больше не думать.* Но журналиста, а главное, ученых это не волнует.

“Конец труда” — понятие, которое появилось в социологической литературе и которым стала дополняться идеология “конца истории”. Известный “по Фукуяме” конец истории означал преодоление духовности, политики и культуры, по-марксистски — надстройки, когда останется одна экономика — производство и рынок. Остальное не нужно, если какое-то время будет существовать, то по инерции. “Мир как супермаркет” — назвал свой роман Мишель Уэльбек (2004). Автор — критический по отношению к подобному миру! Но, оказывается, эту тенденцию можно помыслить и дальше, когда в супермаркете останется одна все(х) обслуживающая техника. Она заменит как производство, так и распределение, которое может происходить без рынка, “по потребностям и плану”, что будет означать конец буржуазных отношений и наступление посткапитализма. Так благодаря совершенным технологиям можно избавиться от пороков капитализма, радуются его неведьмовидные критики, не думая, что хотят лечить головную

МЕРА ВСЕХ НАУК

боль отрубанием головы. Ибо дальнейшее совершенствование технологий, особенно Hi-Hume, ведет к ненужности любой человеческой деятельности, вплоть до творчества, которое всегда считалось прерогативой человека. И вот теперь творить, вернее, считать, вычислять, пересматривая миллионы вариантов, и отбирать из них лучший, превосходящий по результату человеческий, то есть вариант, выносящий за скобки эмоциональную привязанность, будет искусственный интеллект. Люди, если на первых порах останутся, то в роли потребителей, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Первое, очевидное, что приходит в голову при попытке представить их социальное положение после конца труда — теперь они будут “жить и развиваться” в статусе паразитов. Потребительски-паразитический рай.

В свое время Н. Бердяев писал о социальных утопиях (имея в виду коммунизм), что самое страшное в них то, что они осуществляются. Результат всегда превратный, противоположный тому, что ожидали. В этом проявляется ирония исторического развития, непредсказуемость судьбы, о чем говорилось еще в мифах древности. Он предупреждал, что “технизированное и машинизированное общества хотят, чтобы человек был их частью, их средством и орудием, они все делают, чтобы человек перестал быть единством и целостностью, то есть хотят, чтобы человек перестал быть личностью. И предстоит страшная борьба между личностью и технической цивилизацией, технизированным обществом... Техника всегда безжалостна ко всему живому и существующему. И жалость к живому и существующему, должна ограничить власть техники в жизни” [2, с. 29].

Удивляет сила предвидения Бердяевым того, что реально происходит сейчас, а в начале XX века лишь обозначилось, но говорит он об этом более принципиально и гораздо глубже, чем общепринято сейчас. Еще больше поражает, что

сейчас этого-то как раз не видят, не хотят видеть, не только в массе, в сфере технологий, но и в философии, которая в основном занята рассказами о новых достижениях технического прогресса с минимальными комментариями или “сопровождением” их внедрения в жизнь. А ошибся он в одном — в предположении “страшной борьбы” между личностью и технической цивилизацией. Никакой особой борьбы нет, предупреждения, опасения, критика безудержного развития техники, ее новых укладов в сравнении с восторгам по их поводу — глас вопиющего в пустыне. Человечество вырождается незаметно, личность трансформируется в зомби, в роботообразное, если дело так пойдет и дальше, мы не будем знать, когда нас не станет. Хотя еще древние, например Гераклит, говорил: не лучше было человеку, если бы исполнялось все, что он пожелает. Теперь можно видеть, как они были правы! А не современные люди, ученые и технологи, вооруженные тысячелетним опытом познания, но нисколько не поумневшие. Ученые, но не мудрые. Которые создают и жаждут практической реализации утопий нового типа — техногенных, и, видимо, самой грандиозной — обеспечения паразитического, безтруд(а)ного существования человека. Чтобы любую, требующую его физических и духовных усилий деятельность отдать машинам. Тогда все станет процветать, благоустроится и восторжествует “ноосфера”, тогда человек окажется, наконец, полностью свободным, начнет самосовершенствоваться, “займется творчеством”. На Земле наступит Светлое Паразитическое Будущее (СПБ). Рай.

Однако историческое развитие настолько коварно, что превратную форму принимает даже эта утопия. Во-первых, не мотивированный необходимостью обеспечения своей жизни паразит не может быть творцом, “по определению”. Нет цели. Игра — симуляция творчества.

А во-вторых, и это главное: на потребительском существовании людей процесс не остановится. Уже сейчас неограниченное потребление перерастает в “свое другое” — потребление их самих. *Возникает общество потребления человека.* Производство, по крайней мере, пока, так или иначе, нуждается в нем. Только в ином, в сравнении с прежним положением, качестве, когда из субъекта деятельности он превращается в объект, в средство. Не через отчуждение, как было в индустриальную эпоху при “традиционном капитализме”, а непосредственно, как живое, телесное существо: в человеческий капитал — экономически, и человеческий фактор (агента коммуникаций) — технологически. Сливается с техникой, превращается в киборга, растворяется в техносфере. Сначала в производстве, потом в быту и жизни вообще. Паразит не может быть носителем собственных целей, в плане мышления он всегда рефлекс, но не рефлексия. Табло, на которое выводятся результаты не зависящей от него деятельности. Из пешехода и водителя, и(е)дущего по дороге, человек становится материалом этой дороги, ведущей к трансформации оплодотворенной жизнью Земли в мертвую планету. Бионосферы в ноотехносферу. Без людей и других популяций живого.

С победой шестого технологического уклада эти процессы выйдут за рамки жизненного и человеческого начала, “переедут (через) нас”. Прогресс превращается в трансгресс. Шестой уклад — эпоха трансмодерна, время так называемого сингулярного перехода окружающей реальности в иное, постчеловеческое состояние. Она окончательно станет несоизмеримой с нашим жизненным миром. Не в замеслах и не на передовых рубежах цифровых NBIC-технологий, как сейчас, а массово, практически. Вот ближайшие, активно обсуждаемые и реализуемые проекты. «Развитие энейро-сетевой экономики, производство на базе нано-

электронной технологии нейрочипов, создание энейро-сетевых компьютерных интерфейсов, основанных на конструировании психобиологических связей, построение интегративно-распределенных энейро-сетей на основе нанокomпьютеров качественно изменяют принципы взаимодействия в сетевом обществе, трансформируют взаимодействие обособленных элементов “человек”, “компьютер”, “локальная сеть” в интегративную гибридную, интеллектуальную, электронную нейрокomпьютерную систему (интегративную систему самообучающегося искусственного интеллекта). Энейро-компьютерные сети (производственные, коммерческие, бытовые, культурные, досуговые, социальные, научно-образовательные, управленческие) станут всеохватывающими и глобальными, будут строиться на основе протоколов невербального общения социointелектуальными, нервными, психологическими системами через глобальную сеть принципиально новой гибридной архитектуры и станут соционейроморфными» [3, с. 43].

Произойдет фактическое поглощение людей техникой. Гибридизация с Сетью: уйдем в машину. “Невербальное общение”. То есть без слов и смыслов, передаче электронных импульсов с компьютера в человека. Вместо коммуникации — коммутация. Ком-Мутация в Иное. На уровне мозга, не говоря уже о телесности. Дело дошло до разговоров о “нейротологии”. Будет вам и Бог — поселим в мозг, обещают передовые прогрессмены. Чудовищные, сумасшедшие перспективы! В сущности, наша смерть, конец света по-научному. И если, в отличие от автора упомянутой статьи и тех, чьи идеи он пропагандирует, у кого воля к жизни трансформировалась в волю к смерти, их Libido в Mortido, это понимать, если мыслить не от имени машин, а “в своем уме”, то главной жизненной задачей надо бы считать предотвращение подобного развития событий. Думать, как сде-

лать его обратимым, подчинить человеку как целостному существу, сохраняя его идентичность, а не включаться в следующий тур дикой, бессмысленной “гонки за укладами” ради роста ВВП. За счет собственной “деградации в новое”, а потом и полного отрицания. Поразительно, как этого можно не видеть. Как автор приведенной выше цитаты не замечает, что с энтузиазмом описываемая им “энейро-сетевая экономика” — прямая реализация того, что было показано в фильме “Матрица”, где люди превратились в материал для дальнейшего развития Техники. Не видят, “пропускают” как норму этот и подобные тексты и его/их читатели.

Общая причина этой слепоты в том, что человечество вступило на путь Мортидо (влечения к смерти) и на передовых рубежах продуцирует идеи самоуничтожения. Не отдавая в этом отчета. Антропология превращается в антропофобию. Более того, стремясь представить этот суицид благом, начинает культивировать состояние экстази. Опять-таки, еще в начале XX века проницательные теоретики эту ситуацию предвидели. “Человечество, которое у Гомера было зрелищем для богов Олимпа, превращается в зрелище для самого себя. Его самоотчуждение достигло такой степени, что оно способно переживать собственное самоуничтожение как эстетическое наслаждение высшего ранга” [1, с. 64]. Так сейчас, в сущности, и происходит — практически. Возник трансгуманизм как идеология “улучшения человека” (Human enhancement — прирост), его приспособления к постчеловеческим технологиям. Для этого, говорят (само)убийцы, надо посадить человеческий разум на кремниевую основу, так он будет мощнее, хотя на какой мощности в сравнении с искусственным интеллектом предполагают остановиться, не говорят. Или вообще, отправить людей в виртуальную реальность, превратить в голограммы, благодаря чему все станут бессмертными. Такой

человек “получит огромный спектр возможностей, сможет легко переносить экстремальные внешние условия: высокие температуры, давление, радиацию, отсутствие кислорода и т.д. С помощью нейроинтерфейса человек будет способен дистанционно управлять несколькими телами различных форм и размеров” — соблазняют, например, российские авторы известного трансгуманистического манифеста “Бессмертие-2045” [5].

Да, пусть так, но причем тут человек! И жизнь “при отсутствии кислорода”. Фактически соблазняют превращением в киборгов, в пределе заменой себя просто роботами с искусственным интеллектом, а верят (в силу легкого слабодумия) или лгут (цинично) про человека. Кому это может быть неясно, если оставаться в здравом уме? Но идеология потому и ложное сознание, что лишает ее носителей здравого ума. Разве это уже не факт, если “ученые” пишут, что жизнь без труда вполне возможна, и что она неплохая: “смыслом жизни бесполезного класса будут компьютерные игры” [7]. Идеология компьютерных наркоманов предлагается как решение фундаментальных проблем человечества! Если бы такой выход предлагали двенадцатилетние подростки, еще можно было на что-то надеяться. Но когда аналогичные дискуссии ведутся в научных журналах и издаются соответствующие книги — нет. Или те же апологеты трансгуманизма, другими словами, антропофобии, радостно прогнозируют, что “к 2100 году человек разумный перестанет существовать, так как сам себя модифицирует с помощью искусственного интеллекта и биотехнологий” [5].

Хотя труд почему-то, возможно, и сохранится. Он будет состоять в непрерывной самомодификации. Если мыслить в подобной логике дело должно обстоять так: мы вступим в эру непрерывного “конструирования” человека. В процессе данного конструирования будут возник-

кать все новые его конфигурации с новыми свойствами и потребностями... А их надо удовлетворять: пусть новые технологии и занимаются этим. Этаким псевдомарксистский закон возрастания потребностей. Что можно противопоставить такой модели (перспективе)? Только один вопрос: в чем будет состоять идентичность подобных “конфигураций”, меняющихся со скоростью смены технологий? Это “идентичность” дурной бесконечности перемен, а не человека. И даже не бытия чего-либо. Зачем, куда, в чем смысл непрерывного становления — для фанатиков новаций любой ценой вопросов, касающихся перспектив собственно человеческого бытия и бытия вообще, — нет. Они их даже не понимают.

К сожалению, о них не думают и теоретики, кого еще можно считать находящимися в здравом уме. В разной степени человечество уже поражено новой идеологической (у)дистопией, которая распространяется стремительно и фактически стала мейнстримом современного общественного сознания. На передовых рубежах оно окончательно становится без(д)умным. Не хочет знать, что жизнь без труда — это деградация. Как результат прогресса. Такова коварная диалектика объективного развития, которой можно как-то противостать или в/к ней приспособливаться, адаптироваться, если хотя бы немного ее понимать. Попытаться быть субъектами истории, теоретиками и философами заниматься действительным прогнозированием и осмыслением событий, их рефлексией, а не быть их эхом и рефлексом, в которых они, как бы наглядно иллюстрируя стародавние мнения иррационалистов, что “наука не мыслит”, сейчас превращаются. Увы, *прогрессивно(е), глупеющее, слепое, несчастное человечество!* *Счастливы только непониманием того, что делается.* Само роет себе могилу...

Минимально забегая вперед, а может быть, просто констатируя факт настоящего, надо сказать, что

человеческой цивилизации больше не существует: она превра(ти-лась)щается в постчеловеческую. В Технос. Отсюда многочисленные “пост” — постклассическая и постнеклассическая наука, постиндустриальное общество, постистория и постхристианство, постструктурализм и постмодернизм, наконец, — все это приближение и частное проявление постчеловеческих свойств окружающей нас реальности в целом, когда человек становится только элементом чего-то им созданного и более сложного. Оно для него не “анти”, но уже “пост”. Постчеловеческая цивилизация — не цивилизация без человека. По крайней мере — пока. Это мир, созданный и создаваемый им самим, но приобретающий независимость от своего творца. Изменяясь в дальнейшем по автономным законам и становясь несоразмерным, “ино-ме(и)рным” человеку как конечному существу, он заново ставит перед ним проблему своего понимания и освоения. Таков результат постчеловеческой революции миров, производимой нами “второй и третьей природы” — сложной многомерной искусственной реальности, все более определяющей современную жизнь. Которая уносит нас в никуда. Если все-таки надеяться на выживание, то, признавая сложный, нелинейный характер развития, надо не слепо следовать за новациями с криком “прогресс не остановишь”, а ввиду сорвавшегося с тормозов инновационного развития — ручного, ножного, а, главное, головного, условием сохранения человека должно быть поддержание устойчивости его жизненного мира как системы. Темп и характер изменений которой, не должны быть выше возможности нашей адаптации к ним.

Девизом выживания в обстоятельствах стихийной гонки технологической должно быть: *Отсталость, отсталость и еще раз о(т)сталость. На человеке.* Или мы останемся, какие есть, или нас не будет — такова суть философии жизни с точки зрения устойчивого развития (динами-

ческого консерватизма), которое современный мир провозгласил, а на деле, как видим, отвергает, заменяет инновационизмом. Мы здесь ее защищаем и ис(про)поведуем, конкретизируя как *Антропоконсерватизм*. Свобода — не познаваемая (это предпосылка), а преодолеваемая необходимость. Раньше — стихийности природы, теперь стихийности искусственного. Для выживания надо ориентироваться на *Controlled development* (управляемое развитие), реально руководствуясь которым можно попытаться избежать превращения Homo Genus в зомби, киборга, робота и другие формы “постчеловека”, что означало бы конец его/нашего света/мира. Если же возникновение мертвого искусственного разума неизбежно, то, не отождествляя сущее с должным, называть зло (реальность “электронных личностей”) злом. И не бросаться, очертя голову, к ней в плен, а думать, как, опираясь на идеологию существования возможных миров, остающиеся люди могли бы с этим неизбежным злом коэволюционировать без утраты себя. Не уходя, не исчезая в машине, а сохраняя свою идентичность. На Земле, живой и теплой.

Наше положение безнадежно, значит, мы должны сделать все, чтобы его изменить. Как говорил Спиноза, каждая форма бытия хочет и должна быть тем, что она есть. Камень оставаться камнем, тигр — тигром, ну а человек — человеком. Самоутверждение есть сущностная природа каждого существа и как таковая есть его высочайшее благо. И вот теперь от не(е)го, прежде всего от труда, который “создал человека”, — отказываются. На что же, тем, кто не встал в позу зарывшего голову в песок страуса и понимает, куда все идет, надеяться? Может быть, на то, что ни биоэволюция, ни социальная история не однолинейны, любое развитие многовекторно. Казалось бы, превзойденные прогрессом формы продолжают параллельное с новыми видами существование миллио-

ны и тысячи лет. «Я лично верю в случайность в истории, — говорил, например, Д.С. Лихачев. — То есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как “Что нас ждет в будущем?”, не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет» [4, с. 70]. Д.С. Лихачев был не философом, а культуроведом, человеком искусства, романтиком, иногда немного доверчивым. И в самом деле, весь опыт мирового развития показывает, что в нем возможны неожиданные повороты, попятные движения и катаклизмы. Глубокий фундаменталист и защитник Бытия М. Хайдеггер упал в истории на “катастрофы”, которые бы вразумили человечество. Это уже ближе к реальности. Они не за горами, будем надеяться, что “средние”, и до непрерывно предрекаемого конца света технопрогресс нас не доведет. В обоих прогнозах, однако, предполагается *Движение Сопротивления*.

Тогда продлимся...

Литература

1. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М., 1996.
2. *Бердяев Н.* Человек и машина (проблемы социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38.
3. *Дятлов С.А.* Энейро-сетевая экономика: информационный междисциплинарный подход к исследованию // Философия хозяйства. 2016. № 5.
4. *Лихачев Д.С.* Университетские встречи. 16 текстов. СПб.: СПбГУП, 2006.
5. Манифест стратегического общественного движения “Россия 2045” // Ru /manifest/ https://vk.com/topic-39678423_27669650
6. *Мейсон П.* Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему М., 2016.
7. Эпоха класса бесполезных // <http://matveychev-oleg.livejournal.com/5060890.html>